

УДК 1751

DOI: 10.26456/vtfilol/2021.4.231

**ПОНИМАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА
В КОНЦЕПЦИИ Г.И. БОГИНА
(НА МАТЕРИАЛАХ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЖ. СЭЛИНДЖЕРА
“A PERFECT DAY FOR BANANAFISH”)**

А.В. Коробова

Тверской государственный университет, Тверь

В данной статье интерпретация художественного текста рассматривается сквозь призму герменевтической концепции Георгия Исаевича Богина. Материалом для интерпретации послужил текст произведения Дж. Сэлинджера “A Perfect Day for Bananafish”.

Ключевые слова: понимание, интерпретация, герменевтика, смысл, содержание, значение.

В своих трудах, описывающих феномен понимания, Г.И. Богин, в первую очередь, рассматривал художественный текст, который выступает как «опредмеченная субъективность, в системе его материальных средств усматриваются опредмеченные реальности сознания, сложившиеся в деятельности человека идеальные реальности, смыслы, коррелятивные со средствами текста». Пониманием же такого текста является «частный случай распредмечивания, т.е. усмотрения субъективных реальностей (моментов деятельности) при восприятии материальных средств текста» [1: 25].

При этом Богин выделял несколько типов понимания художественных текстов. Их функционирование можно учесть и расположить иерархически в виде следующего ряда:

1. Семантизирующее понимание, т.е. «декодирование» единиц текста, выступающих в знаковой функции.

2. Когнитивное понимание, т.е. освоение содержательности познавательной информации, данной в форме тех же самых единиц текста, с которыми сталкивается семантизирующее понимание.

3. Смысловое (также «феноменологическое») понимание, построенное на распредмечивании идеальных реальностей, презентуемых помимо средств прямой номинации, но опредмеченных всё же именно в средствах текста.

На практике понимание может происходить не только в чистом виде, но и комбинировать два типа, а для социально-адекватного восприятия искусства характерно соединение трёх (особенно если речь идёт об литературе). Богин считает, что остальные сочетания дефектны, и существующая методика обучения, а отчасти и литературная критика, только благоприятствуют такому пониманию. Например, при семантизирующем и когнитивном понимании тексты с очень значительной идейно-художественной ценностью организуют значащие переживания реципиента на уровне переживания «кича» [1: 31].

С позиции понимающего (реципиента) понимание текста включает в себя его опыт, который взаимодействует с содержательностью текста, в

результате чего очерчивается предмет понимания (грань понимаемого). Актуальность граней понимаемого меняется со временем, ведь деятельность и опыт человека трансформируются и исторически обогащаются [1: 33].

Понимание «выявляет в одном и том же тексте разные смыслы» [12: 30]. Автор и читатели имеют на выходе разные наборы граней понимания, так как они обусловлены способами деятельности, отличными от человека к человеку.

Сказанное предопределяет важность такой категории, как рефлексия, которую Богин именуется «связкой между гносеологическим образом и наличным опытом». Рефлексия уникальна, так как свойственна лишь человеку, и по его же воле может останавливаться (фиксироваться) и объективироваться, превращаясь в инобытия, которые, в свою очередь, являются определяющим конструктом человека. Интерпретация является высказанной рефлексией [1: 22].

Реципиент, работающий с текстом, использует различные техники понимания, рефлексивные по своей сути. Одним из моментов организации рефлексии становится упорядоченное использование этих техник.

Мастерство писателя состоит в его художественности – способах оптимального пробуждения направленной рефлексии. Проникнув в целостность, читатель существует уже не в процессе рефлексии, а в субстанции понимаемого [1: 41, 51]. Если рассуждать метафорически, то схемы действия читателя при понимании текста – пучки нитей содержательностей, растягиваемые в ходе рецепции. Усмотреть эту схему можно только на синхронном срезе, сделанном поперек всех нитей в определённый момент, так как одновременно растягивается несколько смыслов, наращивается несколько содержаний, происходит категоризация растянутого и нарощенного, а растягивание и наращивание не прекращаются. В рассказе Дж. Сэлинджера “A Perfect Day for Bananafish” одновременно разворачиваются содержания (герой становится более отстранённым; герой проявляет несвойственное взрослому поведение; герой окончательно замыкается, становится агрессивным и совершает самоубийство) и сходные с ними смыслы, опредмеченные как средствами текстопостроения, так и средствами образующими содержание, о которых мы поговорим позже. Усмотрение содержаний переплетено с усмотрением и построением смыслов, буквально подчеркивающих многие содержания [1: 68].

Традиционно считается, что содержание – это первая составляющая понимания. Выход к дискурсу начинается с предикации, и здесь мы имеем разные степени предикции, разные меры новизны предикаций, разную имитируемость предикаций и т. д. Эти перечисленные свойства предикаций зависят от пропозиции – более высокой структурной единицы текстопостроения. Содержание складывается из предикаций в рамках пропозиций и не исчерпывает субстанции понимания и понимаемого, а предикации присутствуют как предметы семантизирующего и когнитивного понимания, но не как объект понимания субстанциального (понимания целостности). В анализируемом рассказе этот объект связан с такими метасмыслами, как «неравное положение супругов в семье», «трагические последствия войны», и с таким метасредством, как образ автора, его местом в тексте, и с интерсубъективностью тех, кто уже схватил эти смыслы и средства.

Следовательно, схему действия образует сечение пучка растягивающихся нитей, связанных с объектом понимания.

Содержания – предусловия смыслов в бесконечном множестве случаев. Рассуждение Симора Гласса о жизни рыбок-бананок, которые “*lead a very tragic life*”, а в конце концов “*get banana fever*” и “*die*” как бы предопределяет его поступок – душевно больной герой сводит счёты с жизнью. Тёща Симора тоже словно предчувствовала неладное: “...it was a perfect crime the Army released him from the hospital”. Последнее вносит пучок этических и риторических коннотаций. Богин, цитируя А.А. Брудного, утверждает, что содержание явно, это «объявленный концепт» – как в басне, а концепт легко воспроизвести [2: 61]. Мало просто воспроизвести смысл, его ещё необходимо восстановить или построить, что труднее, даже при условии, что он номинирован в тексте. Так, главной проблемой при преодолении универсализации, обращенной на семантизирующее и особенно когнитивное понимание, становится переход от содержания к смыслу.

В этой связи возникает вопрос об универсализациях. Неоправданным будет универсализировать познание в ущерб пониманию, но при этом нельзя и везде выдвигать только понимание, ведь в каких-то случаях нужно собственно познание. Для «только понимания» материал должен «огораживаться», освоив исторический период через понимание способов мышления людей, живших тогда. Существуют различные «огораживания», особенно при решении следующих задач:

1. Преодоление нарушений размерности культуры.

Обсудим в качестве примера «восточный» вариант интерпретации “*A Perfect Day for Bananafish*”, связанный с индийскими религиями. В индийской культуре банан – символ любви, и чувственное настроение рассказа задаётся с самого его начала – с названия. В «Махабхарате», «Рамаяне» и других подобных книгах бледность героя служит идентификатором его влюбленности, а синий цвет является аналогией синему цветку лотоса – атрибуту Камы, бога любви. Но важно, что в индуизме концепт любви не совпадает с тем, как её видят в западном мире. Это не прекрасное чувство, заставляющее сворачивать горы – здесь любовь, подобно дьяволу-искусителю, порождает низменные страсти и выводит человека из состояния равновесия. Это и демонстрирует нам маленькая Сибилла, которая, ревнуя Симора к своей подруге, требует столкнуть её с табуретки, когда в следующий раз та сядет с ним вовремя игры на пианино. Таким образом, индуистская философия рассматривает любовь как дорогу к смерти, которая наступает либо от душевной болезни (мать Мюриэль считает Симора больным и вспоминает в разговоре с дочерью о его странных с точки зрения здравого смысла поступках), либо от самоубийства (герой покончил с собой в конце рассказа).

Числа, присутствующие в рассказе, также можно рассмотреть в рамках данной концепции – рассказывая о рыбке-бананке, погибшей от обжорства, Симор упоминает, что она съела 78 бананов. Впечатлённая рассказом маленькая Сибилла воображает рыбку в воде, только во рту у неё 6 бананов. И числа, и фрукт, названные в рассказе, неслучайны, если вновь обратиться к индийскому сознанию. Банан там символ не только любви, но и слабости, непрочности. «Шестёрка» и число 78 отсылают к буддистской традиции – 6 видов «нечистых»

страстей, 78 видов жажды жизни. Отсюда читатель черпает информацию, дополняющую образ рыбки-бананки – слабого человека, жаждущего гибельных жизненных удовольствий, а именно продолжения жизни. Но для Симора подобный путь неприемлем – самоубийство, как он думает, приведёт его к нирване и прекратит череду земных реинкарнаций и страдания.

При преодолении нарушений размерности культуры работа ведётся именно с содержанием. Сталкиваясь с переживаемыми смыслами, читающий нацелен на осмысленное (значащее) переживание, но понимание останавливается в содержательном знании. Иными словами, в процессе когнитивного понимания понимание сменяет познание и наоборот, а при распрямляющем понимании на первый план выходит само понимание. На этой основе и разграничиваются две субстанции – понимание и знание.

2. Выход из положения при разрыве культурно-исторического движения.

Происходящее с Симором далеко, например, от современного подростка, не знающего ужасов войны. Но прошедший Афганскую или Чеченскую войну мужчина может узнать в герое себя. Незнание о боевых действиях между военными силами США и Японии с их последствиями для оставшихся в живых солдат и других подобных событий приводит к разрыву в культурно-историческом движении. Преодоление разрыва – когнитивное понимание, дающее знание, т.е. содержание: «Злость и неуравновешенность Симора – результат глубокой психологической травмы, контузии, которую нанесла ему антифашистская кампания».

Содержание как конструкт деятельности реципиента принадлежит и субстанции знания, и субстанции понимания в той или иной мере. Содержание не «превращается» в смысл. Смысл может выступать как предмет прямой номинации в тех или иных содержательных предикациях, где он или осмысленное переживание получают «языковое выражение», т.е. название.

Важнейшая составляющая субстанции понимания есть смысл. Смысл определяется как «одна из организованностей рефлексии, а совокупность всех доступных человеку смыслов есть картина наполнения схемы СМД» (по Г.П. Щедровицкому). Смысл с содержанием образуют весь состав интеллектуальных актов – содержательность. Смыслы хранятся в виде превращенных в онтологические картины средств. Обращение рефлексии на такие картины приводит к рефлексии над целым спектром вещей – от эмоций до собственно человеческих чувств, от ассоциаций до социально значимых импликаций [7: 52]. Если средства текста – это эмпирический объект, то смыслы – объект идеальный. Необходимо только помнить, что «все идеальные объекты получают обязательно из анализа описаний эмпирических объектов» [13: 91].

Смысл, так же, как и понимание, можно разложить на составляющие, и важнейшей из них будет значащее переживание. При пробуждении рефлексии в рефлексивной реальности происходит реактивация следов значащих переживаний, поскольку эти следы составляют часть наличного опыта. Звонок матери Мюриель и подробный расспрос о происходящем с ней и её мужем напоминает нам о нашем или чьём-то ещё переживании за другого человека при других обстоятельствах. Сам складывающийся смысл тоже переживается. Смысл «напрасность собственной жизни» именно больше переживается, чем

номинируется большинством реципиентов текста Сэлинджера. Первый и второй случаи равным образом делятся на случай единства переживания и смысла и на случай их отдельности [1: 68].

Ещё один компонент понимания – это значение. Смыслы и значения – частичные организованности рефлексии, над которыми стоит более крупная организованность – понимание. По мнению Фреге, впервые противопоставившего смысл и референцию, значения общи для всех, тогда как смыслы принадлежат или передаются кому-то, что происходит в определённое время и в определённой ситуации [9: 122].

Помимо этого, существует проблема противопоставления экстенциональности и интенциональности. При рассуждении об экстенциональности значения Богин обращается к Б. Расселу [11: 324–328] и Р. Карнапу [8: 46–48]. Экстенционально, по их мнению, то выражение, в котором «экстензия» (обращенность на денотат) непременно есть функция экстензий его семантически важных частей. Экстензия – это истинностная ценность выражения. Так, выражение “*they get banana fever*” верно, если мы вспомним, что речь в рассказе в этом контексте ведётся о рыбаках-бананках, и они, будучи рыбами, действительно могут объесться бананов и умереть от банановой лихорадки. Контекст такого рода является экстенциональным (ситуация текстопостроения), а остальные типы выражений и контекстов – интенциональными [3: 22].

Первый признак интенциональности – модальность. Выражение “*they can't get out of the banana hole*” модально и при этом не вытекает из приведенного экстенционального выражения. Следовательно, смысл, дающийся появлением или наличием модальности, принципиально не поддается определению по истинности – например, смыслы «*невозможность выбраться из банановой норки*», «*жизнь до конца дней в банановой норке*». Модальность – лишь начальный и не единственный элемент конструкции смысла, но не элемент значения или экстенционала. Под экстенционалом или референцией понимается область предметной приложимости для единицы языка (для слова в особенности). Если брать во внимание, что для предложения такой областью становится область логической валентности, то значение – это экстензия (распространение) предиката на индивиды [1], а смысл как интенсия – источник экстензий по Фреге. В интенсию включён способ данности экстенсии, она является умственным критерием, «благодаря которому можно применить или отказаться применять данное выражение при наличии представленных вещей или ситуаций» [10: 242]. Интенсией определяется и индивидуальная экстензия, и все возможные экстенсии.

Если значение существует в языке, то смысл находится в дискурсе [12]. Именно по этой причине значения только социальные, но при этом оторваны от индивидуальных субъективностей и не обладают потенциалом охвата сущности, так как для этого требуется рефлексия, организованность которой есть смыслопостроение. А вот смысл, будучи частью человеческого индивидуального бытия, разделённого с другими, и социален, и личностен. Знак способен стать сигналом, обретя смысл, поэтому понимаемое – смысл, а не значение. Чтобы пользоваться смыслом, не нужно знать значения – значения выводятся из смыслов [1: 72].

А.Р. Лурия рассматривает значения как «функцию выделения отдельных признаков в предмете, обобщения их и введения предмета в известную систему категорий» [5: 51]. При когнитивной работе с текстом важно понимать значения и складывающиеся из них содержания. Что касается понятия «содержание», то оно представлено в словах и закреплено в значениях, если считать за слово номинативную единицу. Смысл же «живёт» только в коммуникации. Содержательный аспект значений важен для понимания, кроме прочего в контексте его субстанциальной стороны. Семантизирующее понимание подразумевает, что знание значения комбинируется у реципиента с усмотрением смысла: в значение входит не знание о мире, а содержание в качестве необходимого дополнения к смыслу. По утверждению И.А. Стернина, значение и «знание о мире» вообще тождественны в силу того, что семы фиксируют знание о предмете: в слове “*bananafish*” есть семы ‘водное животное’, ‘морской обитатель’, не говоря уже о сленговом ‘роковая ошибка’ и т.п. [6: 28]. Реципиент может и не формулировать это знание, но при столкновении с ним в виде предикаций в рамках пропозиции он его определит.

Высказывание включает в себе разные составляющие в разных ситуациях – находясь в реальной коммуникации, оно содержит смыслы, при рассмотрении с лингвистической точки зрения как способ предикции высказывание оказывается предложением и имеет содержание, которое поддаётся анализам, категоризациям, сравнениям, оценкам и прочим процедурам, необходимым для когнитивной работы. Так, встреченная в тексте девиация точно придаст ему дополнительные смыслы и привлечёт внимание реципиента, но он вряд ли классифицирует её и определит роль этой девиации в тексте. Лингвист же рассмотрит её с научной, текстопостроительной точки зрения, например, смыслопостроения [4], с учётом параметра установки на тот или иной тип понимания.

Список литературы

1. Богин Г.И. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику. М.: Психология и Бизнес ОнЛайн, 2001. 516 с.
2. Брудный А.А. Экспериментальный анализ понимания. // Вопросы философии, 1986, №9. С. 60–62.
3. Карпович В.И. Системность теоретического знания. Новосибирск: Наука, 1984. 125 с.
4. Крюкова Н.Ф. Метафоризация в контексте интерпретации текста. Тверь, Тверской государственный университет, 2015. 200 с.
5. Лурия А. Р. Язык и сознание. М: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 320 с.
6. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1985. 170 с.
7. Щедровицкий Г.П. Заметки к определению понятий «мышление» и «понимание». (В соавторстве с С.Г. Якобсон) // Мышление и общение. Материалы Всесоюзного симпозиума. Алма-Ата, 1973. С. 477–480.
8. Carnap R. Meaning and necessity: A Study in Semantics and Modal Logic. Chicago: University of Chicago Press, 1956. 258 p.
9. Frege G. On sense and reference. // Readings in Semantics. Urbana, 1974. Pp. 46–140.
10. Lewis C.J. Modes of meaning. // Philosophy and Phenomenological Research. 1944, N 2. Pp. 236–250.
11. Russel B. An Inquiry into Meaning and Truth. New York: WV. W. Norton & Co., Inc, 1941. 445 p.
12. Todorov Tz. Significance and meaning. // Semiotica, 1981, Supplement. Pp. 113–118.

**UNDERSTANDING OF LITERARY TEXT
IN THE CONCEPT OF G.I. BOGIN
(BASED ON MATERIALS OF “A PERFECT DAY FOR BANANAFISH”
BY J. SALINGER)**

A.V. Korobova

Tver State University, Tver

In this article, the interpretation of a literary text is examined through the prism of the hermeneutic concept of Georgy Isaevich Bogin. The material for the analysis is the text of the short story “A Perfect Day for Bananafish” by J. Salinger.

Key words: *understanding, interpretation, hermeneutics, message, content, meaning.*

Об авторе:

КОРОБОВА Анастасия Владиславовна – аспирант кафедры герменевтической лингводидактики и английской филологии Тверского государственного университета, e-mail: alexis_sweetheart@mail.ru.